

**ЎЗБЕКИСТОНДА ИҚТИСОДИЙ ТАРТИБГА СОЛИШНИ ҲАДДАН
ТАШҚАРИ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ҚИЛИШНИНГ 2030 ЙИЛГАЧА
РИВОЖЛАНИШ ЙЎЛИДАГИ ИНСТИТУЦИОНАЛ ТЎСИҚ СИФАТИДАГИ
ҲОЛАТИ: БАҲОЛОВЧИ БЕЛГИЛАР, ДИСКРЕЦИЯ ВА
МУВОФИҚЛАШТИРИШ МОДЕЛИ**

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20173408>

Холикулов Умид Шодиевич

ю.ф.д., доцент, Ўзбекистон Республикаси Жамоат хавфсизлиги университети

Холикулов Умид Шодиевич

*д.ю.н., доцент, Университет общественной безопасности Республики
Узбекистан*

Umid Kholikulov

*Doctor in Law, Associate Professor, University of Public Security of the Republic of
Uzbekistan*

**ЧРЕЗМЕРНАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ
БАРЬЕР РАЗВИТИЯ ДО 2030 ГОДА: ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ,
ДИСКРЕЦИЯ И МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ**

**EXCESSIVE CRIMINALIZATION OF ECONOMIC REGULATION IN
UZBEKISTAN AS AN INSTITUTIONAL BARRIER TO DEVELOPMENT UNTIL
2030: EVALUATIVE FEATURES, DISCRETION, AND A COORDINATION
MODEL**

Аннотация: Мақола тартибга солиш соҳасидаги ҳуқуқбузарликларни ҳаддан ташқари криминаллаштиришининг тадбиркорлик фаолиятининг олдиндан башорат қилиниш имкониятига ҳамда Ўзбекистоннинг 2030 йилгача бўлган стратегик ривожланиш мақсадларига эришиш жараёнига таъсири муаммосига бағишланган. Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 197-моддасини қўллаш мисолида реал зарар, сабабий боғланиш ва бузилган ҳуқуқий муҳофаза объектини тиклаш имконияти бўйича аниқ мезонлар мавжуд бўлмаган ҳолда баҳоловчи категориялардан фойдаланиш тергов, эксперт ва суд усмотренияси доирасини кенгайтириши мумкинлиги кўрсатилади. Мақолада фактик зарарнинг норматив тартибда ҳисобланган йўқотишлар билан алмаштирилиши хавфига алоҳида эътибор қаратилади, зеро бундай ёндашув жиноят-ҳуқуқий ноаниқликни кучайтириши, бизнес харажатларини ошириши ва ҳуқуқий тизимга бўлган ишончни

пасайтириши мумкин. Мақолада баҳоловчи категорияларни аниқлаштириши, ортиқча дискрецияни чеклаш ҳамда жиноят-ҳуқуқий правоприменениенинг тадбиркорлик муҳитига таъсирини баҳолаш механизмларини жорий этиши орқали жиноят-ҳуқуқий сиёсатни давлатнинг иқтисодий устуворликлари билан мувофиқлаштириши зарурлиги асосланади.

Калит сўзлар: Ўзбекистон жиноят сиёсати; ҳаддан ташқари криминаллаштириши; жиноят-ҳуқуқий аралашув чегаралари; Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 197-моддаси; иқтисодий фаолият; тартибга солиш соҳасидаги ҳуқуқбузарликлар; бланкет жиноят таркиблари; реал зарар; *ultima ratio*; декриминаллаштириши.

Аннотация: Статъя посвящена проблеме влияния чрезмерной криминализации регуляторных нарушений на предсказуемость предпринимательской деятельности и достижение стратегических целей развития Узбекистана до 2030 года. На примере применения статьи 197 УК Республики Узбекистан показывается, что использование оценочных категорий без чётких критериев реального вреда, причинной связи и восстановимости нарушенного объекта способно расширять пространство следственного, экспертного и судебного усмотрения. Особое внимание уделяется риску подмены фактического вреда нормативно рассчитанными потерями, что может усиливать уголовно-правовую неопределённость, повышать издержки бизнеса и снижать доверие к правовой системе. В статье обосновывается необходимость согласования уголовно-правовой политики с экономическими приоритетами государства через уточнение оценочных категорий, ограничение избыточной дискреции и внедрение механизмов оценки влияния уголовного правоприменения на предпринимательскую среду.

Ключевые слова: уголовная политика Узбекистана; чрезмерная криминализация; пределы уголовно-правового вмешательства; статья 197 УК Республики Узбекистан; экономическая деятельность; регуляторные нарушения; бланкетные составы; реальный вред; *ultima ratio*; декриминализация.

Abstract: The article examines the impact of excessive criminalization of regulatory violations on the predictability of entrepreneurial activity and the achievement of Uzbekistan's strategic development goals up to 2030. Using the application of Article 197 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan as an example, the article demonstrates that the use of evaluative categories without clear criteria for real harm, causation, and the possibility of restoring the impaired legally protected object may expand the scope of investigative, expert, and judicial discretion. Particular attention is paid to the risk of substituting actual harm with losses calculated on the basis of regulatory formulas, which may increase criminal-law uncertainty, raise business costs,

and reduce trust in the legal system. The article substantiates the need to align criminal-law policy with the state's economic priorities by clarifying evaluative categories, limiting excessive discretion, and introducing mechanisms for assessing the impact of criminal-law enforcement on the business environment.

Keywords: *criminal policy of Uzbekistan; excessive criminalization; limits of criminal-law intervention; Article 197 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan; economic activity; regulatory violations; blanket criminal provisions; real harm; ultima ratio; decriminalization.*

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о соотношении уголовного права и экономического развития долгое время оставался на периферии как уголовно-правовой, так и институционально-экономической литературы. Между тем в правовых порядках переходного типа именно уголовное право нередко становится не только средством охраны общественных отношений, но и механизмом, влияющим на структуру стимулов для бизнеса. Такой эффект особенно заметен там, где составы преступлений формулируются через бланкетные диспозиции, оценочные признаки и пересечение уголовной и административной ответственности.

Для Узбекистана этот вопрос имеет стратегическое измерение. Первоначально утвержденная 11 сентября 2023 года Стратегия «Узбекистан – 2030» [3] по состоянию на 2026 год обновлена Стратегией на 2026–2030 годы от 16 февраля 2026 года [4], где введены измеримые показатели эффективности, цифровизация мониторинга и новая архитектура стратегического

планирования; утверждены программы реформ и Государственная программа реализации Стратегии на 2026 год, включая цели по росту ВВП, привлечению иностранных инвестиций и повышению занятости [5]. Поэтому оценка уголовно-правовой политики в экономической сфере должна производиться не только по критерию формальной законности, но и с точки зрения её согласованности с целями долгосрочного развития.

В статье исследуется вопрос о том, каким образом чрезмерная криминализация регуляторных нарушений и использование оценочных категорий в уголовном законе создают институциональные риски для предпринимательской деятельности и где проходит граница между допустимой охраной публичных интересов и избыточным уголовно-правовым давлением. Центральная гипотеза заключается в том, что криминализация формальных или преимущественно регуляторных нарушений, не сопровождающихся доказанным реальным и существенным вредом, способна усилить правовую

неопределённость, расширять дискрецию правоприменителя и повышать издержки законопослушного поведения. Наиболее наглядно это проявляется в случаях, когда квалификация зависит от категории «тяжкие последствия».

Научный вклад статьи двойной. С одной стороны, она встроена в дискуссию о пределах криминализации и «ultima ratio». С другой – она показывает, почему формально-догматического анализа здесь недостаточно: чтобы объяснить реальное действие оценочных категорий, нужно учитывать институциональные стимулы следствия, эксперта, суда и адресата нормы. Поэтому статья предлагает не только догматическую критику, но и модель согласования уголовно-правовой политики с рамкой стратегического развития.

Предмет статьи – не отрицание уголовно-правовой защиты экономических отношений как таковой, а поиск её пределов. Ключевой вопрос заключается в том, при каких условиях уголовное право перестаёт быть крайней мерой и превращается в источник дополнительной регуляторной неопределённости.

Теоретическая рамка и сквозной обзор литературы

Отправной точкой анализа выступает доктрина «ultima ratio». В работах Nils Jareborg [18] криминализация прямо описывается

как последнее средство; Douglas Husak [17] формулирует ограничения на право государства создавать и применять уголовные запреты; Andrew Simester и Andreas von Hirsch [27] рассматривают принципы криминализации через вред, неправду и морально-правовую оправданность вмешательства. Andrew Ashworth и Lucia Zedner [15], в свою очередь, связывают защиту уголовного права с необходимостью удерживать его границы и не допускать растворения в общем регулировании. Эта линия литературы важна для настоящей статьи для оценки уголовно-правовой нормы не только по её формальной действительности, но и по оправданности её места в системе правового реагирования.

Однако одним лишь принципом «ultima ratio» недостаточно объяснить, почему неопределённая уголовно-правовая норма влияет на поведение бизнеса. Здесь вступает в действие институциональная экономика. Douglass North [22] рассматривает институты как правила, структурирующие взаимодействие; Daron Acemoglu и Simon Johnson [13] подчёркивают значение институтов, защищающих от экспроприации и обеспечивающих предсказуемость прав собственности; Anthony Ogus [23] показывает, что правовые формы регулирования должны оцениваться через их экономическую функцию, пропорциональность и альтернативы. В том же направлении движется и

корпус ОЕСД: рекомендация 2012 года [28] и Regulatory Policy Outlook 2018 [29] исходят из того, что качество регулирования непосредственно связано с экономическим ростом и благополучием, а в обзоре по Узбекистану 2024 года [30] регуляторное качество, координация политики и публичная целостность рассматриваются как ключевые элементы современной государственной модернизации.

Третья линия литературы касается дискреции и коррупционных стимулов. Robert Klitgaard [19] связывает коррупцию с комбинацией монополии, дискреции и недостаточной подотчётности. Susan Rose-Ackerman и Bonnie Palifka [25] показывают, что сложные и неопределённые правила создают дополнительные возможности для извлечения ренты. Andrei Shleifer и Robert Vishny [26] подчёркивают, что структура государственных институтов и слабый контроль над агентами делают коррупцию более масштабной и более дорогой для развития. Наконец, Виктор Полтерович [24] вводит понятие институциональной ловушки – неэффективного, но устойчивого состояния, которое воспроизводится за счёт взаимного усиления стимулов участников системы. Эти идеи принципиально важны для понимания того, почему оценочные категории уголовного закона не являются нейтральной техникой: они

воздействуют на распределение власти внутри правоприменения.

Сюда же примыкает критика символического и чрезмерного уголовного права. Winfried Hassemer [16] связывал расширение уголовного закона с феноменом «символического уголовного права»; Erik Luna [21] рассматривает сверхкриминализацию как качественное и количественное разрастание уголовного запрета; Husak [17] в более поздней англоязычной дискуссии делает акцент на том, что государство должно оправдывать не только санкцию, но и сам запрет. Поэтому для настоящей статьи чрезмерная криминализация понимается не просто как «слишком много статей», а как включение в уголовную сферу такого поведения, которое не отвечает критериям существенного вреда, доказанной вины и недостаточности менее репрессивных средств.

Из этого вытекает и авторская позиция. Статья соглашается с линией Jareborg–Husak–Simester/von Hirsch в том, что пределы криминализации должны быть нормативно обоснованы, и принимает институциональную интуицию North, Ogus, Klitgaard и Полтерович: неопределённая уголовная норма имеет не только юридическое, но и поведенческое значение. В полемике статья выступает против идеи, что формальное нарушение административно-регуляторного режима само по себе

способно автоматически оправдать уголовно-правовую реакцию.

В постсоветской уголовно-правовой доктрине близкую к этому подходу позицию развивает Н.А. Лопашенко [20]. Её значение для настоящего исследования состоит в том, что она переносит общую дискуссию о пределах криминализации в специальную сферу экономических преступлений. По Лопашенко, уголовное законодательство в сфере экономической деятельности не может автономно определять, какие экономические отношения нуждаются в уголовно-правовой охране; оно является вторичным по отношению к позитивному экономическому регулированию и должно исходить из реальных моделей поведения в легальной экономике. В этом смысле её подход особенно важен для анализа регуляторных составов: если уголовная ответственность строится преимущественно на нарушении административного режима, без доказанного существенного вреда и без ясной связи с охраняемым экономическим отношением, уголовное право рискует превратиться в инструмент формального контроля над предпринимательством. Поэтому позиция Лопашенко дополняет линию Jareborg–Husak–Simester/von Hirsch: она показывает, что нарушение принципа *ultima ratio* в экономической сфере не только снижает легитимность уголовного закона, но и способно

причинять вред самой экономической среде, которую закон призван защищать.

Настоящая статья развивает данный тезис применительно к законодательству Узбекистана: оценочные категории, влияющие на квалификацию преступления, не должны использоваться как механизм автоматического перевода регуляторного нарушения в уголовно наказуемое деяние. Их применение допустимо лишь тогда, когда установлены реальный вред, причинная связь, индивидуализированная вина и недостаточность менее репрессивных средств реагирования.

Обзор литературы подводит к одному тезису: уголовно-правовая неопределённость должна оцениваться одновременно как проблема легитимности криминализации и как проблема институциональных стимулов. Это создаёт теоретическую основу для анализа статьи 197 УК Республики Узбекистан.

Методология и границы исследования

Исследование сочетает нормативный, доктринальный и эмпирико-аналитический уровни. Нормативная часть основана на действующих редакциях стратегических актов 2023/2026 годов, Уголовного кодекса Республики Узбекистан [2] и Постановления Пленума Верховного суда [11]. Верификация этих актов

производилась по официальной правовой базе <https://lex.uz/>. Эмпирический компонент опирается на авторский анализ 100 судебных актов по делам о нарушениях в сфере землепользования и недропользования; в части доступности судебных документов важно, что в Узбекистане действует официальный публичный портал публикации судебных актов, включая раздел по уголовным делам [12].

Поскольку выборка сформирована из опубликованных судебных актов, она не охватывает всё досудебное сито: прекращённые проверки, прекращённые уголовные дела и иные формы неприведённого к приговору правоприменения остаются за кадром.

Ниже приведены параметры и методология отбора данных для анализа правоприменения по статье 197 УК РУз (Нарушение условий пользования землей или недрами).

1. Период отбора материалов

Исследование охватывает период 2021–2025 годов. Данный временной отрезок выбран в связи с массовым выделением земель под фермерские хозяйства и последующим усилением контроля за их целевым использованием, а также вступлением в силу Постановления Пленума Верховного суда № 36 от 16.12.2024 г., которое стало ключевым ориентиром для судов при квалификации «тяжких последствий».

2. Критерии включения

В выборку для анализа включались материалы, соответствующие следующим признакам:

Правовая квалификация: Уголовные дела по статье 197 УК РУз (самостоятельно или в совокупности с другими составами).

Сфера деятельности: Нарушения, связанные с предпринимательской и фермерской деятельностью.

Наличие ущерба: Дела, где зафиксирован материальный ущерб (потери сельхозпроизводства), рассчитанный согласно методике ПКМ № 146 [9].

Полнота данных: Наличие полного текста приговора или определения суда.

3. Критерии исключения

Из анализа исключались следующие материалы:

Дела, в которых статья 197 УК была полностью исключена на стадии следствия или суда из-за отсутствия состава преступления или недоказанности вреда (кроме случаев частичного оправдания).

Материалы, не содержащие данных о категории земель или конкретном способе нарушения.

Дублирующиеся акты по одному и тому же делу.

4. Схема кодировки (фиксируемые признаки)

При анализе каждого дела фиксировались следующие параметры:

Субъект: Статус лица (фермер, управляющий, руководитель ООО).

Объект: Категория земли (орошаемая пашня, богарная земля) или вид недр.

Действие: Вид нарушения (рытье рыбных прудов, снятие почвы, добыча ископаемых).

Методика вреда: Способ расчета (ПКМ № 146 или ПКМ № 666 [10] для недр).

Реакция субъекта: Проведение рекультивации (засыпка котлованов) до вынесения приговора.

Итог: Вид наказания и решение по гражданскому иску.

5. Перечень охваченных регионов

Нарушения зафиксированы в следующих областях Республики Узбекистан:

Ферганская: лидер по количеству дел (Ёзьяванский, Ташлакский, Кувасайский районы).

Андижанская: Улугнорский и Избосканский районы.

Наманганская: Мингбулокский и Попский районы.

Самаркандская: Ургутский район.

Хорезмская: Кошкупирский район.

Сирдарьинская: Сирдарьинский район.

Ташкентская: Зангиатинский район.

6. Распределение по инстанциям и подтипам дел

Распределение по инстанциям:

Первая инстанция: Все акты представляют собой приговоры районных и городских судов по уголовным делам.

Стадия исполнения: Отдельные акты касаются отсрочки исполнения наказания (например, по штрафам).

Подтипы дел:

«Рыбные пруды» (~70%): Самовольное создание водоемов на орошаемой пашне (наиболее типичный подтип).

Недропользование (~20%): Незаконная добыча песка, гравия или известняка за пределами лицензии или в водоохраных зонах.

Строительство и порча почвы (~10%): Снятие плодородного слоя для поднятия уровня других участков или возведение зданий без смены категории земли.

Методологически важно и другое ограничение: статья не претендует на эконометрическое доказательство влияния уголовно-правовых норм на инвестиции, занятость или уровень формализации экономики. Она предлагает причинно-аналитическую модель и использует судебную практику как объяснение механизма, посредством которого неопределённость состава преступления расширяет дискрецию правоприменителя. Поэтому любые выводы о воздействии на инвестиционный климат должны формулироваться в вероятностном, а не детерминистском ключе.

В данной статье комбинируются доктрина и судебная практика; её предел – в том, что связь с макроэкономическими эффектами пока аналитическая, а не

эконометрически проверенная. Однако это не ослабляет работу, так как данные границы ясно обозначены.

Нормативная конструкция уголовно-правового вмешательства в экономическое регулирование

Нормативно проблема проявляется там, где уголовная ответственность строится через бланкетную отсылку к регуляторным режимам и оценочным признакам результата. В таких составах противоправность деяния определяется не только уголовным законом, но и меняющимся массивом административных, земельных, лицензионных и технических правил. Для адресата нормы это означает, что уголовно-правовой риск зависит не только от УК, но и от качества, стабильности и прозрачности смежного регулирования.

Статья 197 УК Республики Узбекистан является показательным примером такой конструкции. В действующей редакции она предусматривает ответственность за нарушение условий использования земель, недр или требований по их охране, если это повлекло тяжкие последствия. Санкция статьи включает штраф, обязательные общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы или лишение свободы до трёх лет. Таким образом, законодатель связывает уголовную наказуемость не с самим фактом нарушения режима, а с наступлением оценочно определённого результата.

Постановление Пленума Верховного суда № 36 от 16 декабря 2024 года частично конкретизирует эту конструкцию. В пункте 9 Пленум разъяснил, что нарушение условий использования земель, недр или требований по их охране землевладельцами, землепользователями или арендаторами на отведённых им участках, повлёкшее тяжкие последствия, например создание пруда с рыбой или продажу почвы, приведшие к порче земли, квалифицируются по статье 197 УК, тяжесть последствий оценивается судом на основании заключений или актов специалистов соответствующей области. Это разъяснение повышает определённость, но одновременно показывает, насколько велико значение экспертной и судебной оценки. [12]

Именно здесь возникает центральный нормативный вопрос статьи. Категория «тяжкие последствия» допускает гибкость и индивидуализацию, но одновременно создаёт открытую зону усмотрения. Неопределённость проявляется по меньшей мере в пяти измерениях: что считать тяжёстью; достаточно ли нормативного расчёта ущерба; требуется ли доказательство фактического ухудшения состояния объекта; как отделять тяжесть последствий от самого факта нарушения режима; каковы требования к субъективной стороне. Если эти

элементы не раскрыты ни законодателем, ни устойчивой практикой, граница между допустимой оценкой и расширительным толкованием оказывается подвижной.

С точки зрения «ultima ratio» такая конструкция допустима лишь при одном условии: «тяжкие последствия» не могут презюмироваться из факта нарушения. Они должны доказываться отдельно как результат, обладающий собственной материальной тяжестью, причинной связью с деянием и виной лица в отношении этого результата. Иначе уголовное право начинает обслуживать административное принуждение вместо того, чтобы оставаться крайней мерой.

Проблема статьи 197 состоит не в наличии оценочного признака как такового, а в недостаточной формализации критериев его применения. Именно это создаёт пространство для широкой дискреции следствия, эксперта и суда.

Категория «тяжкие последствия» как зона расширенной дискреции следствия и суда

Для целей настоящей статьи категория «тяжкие последствия» должна быть понята не как нейтральный технический элемент состава, а как точка входа институциональной неопределённости в уголовный процесс. Следствие получает возможность влиять на квалификацию через выбор того, какие фактические обстоятельства считать

существенными, какую экспертную модель брать за основу и насколько широко толковать причинную связь между нарушением режима и наступившим вредом. В экономико-регуляторных делах это напрямую влияет на степень уголовно-правового давления: от выбора статьи зависит и процессуальная стратегия, и допустимые меры принуждения, и баланс позиций сторон.

Оценочный характер «тяжких последствий» проявляется в том, что законодатель пытается охватить все критерии тяжести. В результате в процессуальном смысле приходится отдельно отвечать на несколько вопросов: каков характер вреда; является ли он фактическим или расчётным; доказана ли его неустранимость либо существенная восстановительная стоимость; можно ли отделить последствия от самого запретного способа использования объекта; предвидел ли субъект соответствующий результат. Чем меньше нормативных ориентиров, тем выше роль усмотрения. И чем выше роль усмотрения, тем сильнее системная ценность процессуальных гарантий.

Следовательно, категория «тяжкие последствия» образует зону расширенной дискреции следствия и суда, поскольку через неё неопределённость нормы превращается в неопределённость квалификации и доказывания. Это положение не означает, что любое

применение статьи 197 произвольно. Оно означает иное: сама конструкция состава требует повышенных стандартов доказанности и проверки, поскольку риск расширительного толкования здесь институционально выше, чем в составах с более формализованным результатом.

Из этого следуют и процессуальные гарантии. Суд должен проверять не только факт нарушения земельного или природоресурсного режима, но и самостоятельную доказанность тяжести последствий; отдельно исследовать причинную связь; отличать нормативно рассчитанные потери от фактического вреда; проверять предсказуемость результата для обвиняемого; не допускать объективного вменения; обеспечивать стороне защиты возможность спорить о методике экспертной оценки; мотивировать, почему менее репрессивные формы реагирования не были достаточны. При отсутствии такой проверки категория «тяжкие последствия» фактически превращается в презумпцию, что несовместимо с принципами законности, вины и справедливости.

Категория «тяжкие последствия» должна рассматриваться как процессуально чувствительный квалифицирующий признак. Чем менее он формализован, тем строже должны быть стандарты судебной проверки и тем недопустимее

автоматизм в выводах следствия и эксперта.

Эмпирический анализ практики по статье 197 УК Республики Узбекистан

В настоящем исследовании статья 197 УК используется не как автономный объект земельного-правового исследования, а как эмпирический индикатор более широкой проблемы оценочных признаков в уголовном праве. Авторский массив из 100 судебных актов позволяет предположить, что в большинстве изученных дел норма функционирует как инструмент охраны орошаемых сельскохозяйственных земель и иных объектов, имеющих повышенное хозяйственное значение. Существенную часть массива образуют дела о создании рыбных прудов на орошаемых пашнях; среди подсудимых преобладают фермеры, арендаторы и руководители хозяйств. Эти наблюдения важны потому, что речь идёт не о маргинальном поведении вне хозяйственной сферы, а о практике, напрямую сопряжённой с предпринимательской деятельностью.

На основании предоставленных судебных актов и нормативных документов, ниже представлена таблица, описывающая методологию и параметры исследования правоприменительной практики по статье 197 УК РУз.

Методология исследования	Параметры исследования	Содержание и назначение исследования на основе источников
Период исследования	Конкретные временные рамки анализа	2021–2025 годы. Период охватывает время совершения деяний (с момента массового выделения земель под фермерские хозяйства) до вынесения приговоров в конце 2025 – начале 2026 гг.. Выбор обусловлен актуальностью разъяснений Пленума Верховного суда № 36 от 16.12.2024 г..
Источник данных	Откуда получены материалы	Первичные источники: оригиналы судебных приговоров и определений судов по уголовным делам (Ёзёвонский, Улугнорский, Папский, Мингбулакский и др. районные суды). Вторичные источники: база данных «Адолат» и Постановление Кабмина № 146.
Критерии отбора	По каким признакам дела включались в выборку	Дела по статье 197 УК РУз (Нарушение условий пользования землей или недрами), связанные с деятельностью фермерских хозяйств и предпринимателей. В выборку вошли дела с установленным материальным ущербом и доступным полным текстом решения.
Кодировка признаков	Какие признаки фиксировались при анализе дел	Фиксировались: статус субъекта (фермер/управляющий), категория земли (орошаемая пашня), суть нарушения (рыбные пруды, снятие почвы), методика расчета ущерба (ПКМ № 146), наличие реальной рекультивации, вид наказания и переквалификация.
Исключённые дела	Какие материалы не вошли в выборку и почему	Исключены дела, где отсутствовали «тяжкие последствия», что привело к полной отмене обвинения по ст. 197 УК (например, дело Абдуллаева Х., где вред признан неустановленным), а также материалы, не связанные с земельными правоотношениями.
Ограничения выборки	Какие слабые стороны имеет эмпирическая база	Риск шаблонности судебных формулировок и отсутствие доступа к материалам досудебного следствия, что затрудняет оценку первичных экологических экспертиз.

Исследование опирается на массив данных, где ключевым элементом криминализации является нормативный расчет ущерба (упущенная выгода), что в некоторых случаях создает коллизию с реальным экологическим состоянием участка (как в деле №1-1510-2501/210, где плодородие выросло, но состав преступления был сохранен).

Имеющиеся данные позволяют предположить, что ключевым доказательственным вопросом в этих делах становится способ раскрытия «тяжких последствий». По логике Пленума, создание рыбного пруда или продажа почвы могут быть примером нарушений, повлекших тяжкие последствия; тяжесть при этом оценивается по заключениям или актам специалистов. В практике это

нередко означает перенос центра тяжести с судебного установления реального материального вреда на экспертную или квазиэкспертную модель его исчисления.

Наиболее значимый вывод из выборки состоит в следующем: в ряде дел тяжесть последствий раскрывается преимущественно через «нормативно рассчитанные потери сельскохозяйственного производства», то есть через денежный показатель, выведенный из площади участка, категории земли, балла бонитета и предполагаемой недополученной продукции. С точки зрения административного и земельного регулирования такой расчёт обеспечивает унификацию. Но с точки зрения уголовного права он не закрывает автоматически вопрос о реальном вреде: нормативная потеря производства не тождественна доказанному ухудшению фактического состояния земли, стоимости её восстановления или необратимости последствий. Следовательно, использование такой модели может подменять комплексную оценку вреда более удобным, но более абстрактным критерием.

Этот вывод особенно важен, поскольку он показывает, как именно оценочная категория становится зоной дискреции. Если тяжесть последствий устанавливается через нормативно-расчётную модель, следствие получает возможность усиливать квалификацию не только за счёт установления

фактических обстоятельств, но и за счёт выбора методики экспертного расчёта. Суд, в свою очередь, может либо критически проверить эту методику, либо де-факто презюмировать её достаточность. Там, где выбирается второй путь, возрастает риск того, что сам факт вывода участка из сельскохозяйственного оборота начнёт восприниматься как достаточное основание для признания тяжких последствий.

Отдельного внимания заслуживают причинная связь и вина. По имеющимся материалам можно предположить, что причинная связь в части дел устанавливается по прямолинейной схеме: изменение рельефа, снятие плодородного слоя или создание пруда рассматриваются как достаточные основания для вывода о невозможности использования участка по назначению и, далее, о тяжести последствий. Однако такой переход не всегда бесспорен. Для уголовно-правовой оценки необходимо показать не только нарушение режима, но и конкретный результат, его степень, причинную обусловленность и субъективное отношение лица к нему. Если же вина в тяжких последствиях фактически выводится из профессионального статуса обвиняемого и самого факта нецелевого использования, возрастает риск объективного вменения.

Существует две линии разъяснений. Первая: в случаях по

делам о нарушениях режима охраняемых территорий суд требует доказательств реального экологического ущерба (загрязнение, эрозия). Вторая: по статьям 197 УК автоматически приравнивает факт превращения пашни в пруд к «тяжким последствиям» через понятие «гибели земли», закрепленное Пленумом ВС.

На наш взгляд, создание рыбного пруда на орошаемой земле или иное аналогичное нарушение само по себе не может автоматически считаться доказательством тяжких последствий. Такой результат допустим лишь при отдельном установлении: характера вреда; степени утраты полезных свойств объекта; реальной либо высокочатратной невосстановимости; причинной связи между деянием и результатом; предсказуемости результата для обвиняемого; достаточности доказательств. При отсутствии этих элементов уголовная квалификация начинает опираться на презумпцию, а не на доказанность. В пользу этой позиции указывает и тот факт, что объектом ст.197 УК РУз является экология и тяжкие последствия должны лежать именно в плоскости экологии.

В изученной выборке отсутствуют случаи вынесения полного оправдательного приговора по всем пунктам обвинения. Однако встречаются случаи частичного оправдания по статье 197 УК. Например, в деле братьев К. суд признал их невиновными и оправдал

по статьям 197 и 229 УК, но при этом признал виновными по статье 204 УК. В большинстве случаев суды рассматривают статью 197 УК как специальную норму и исключают дополнительные статьи (например, 192-11 или 229) как излишние. Только в деле Р. М. подсудимый был признан виновным по совокупности статей 197 и 229 УК РУз за одновременное нарушение условий пользования недрами и совершение самоуправных действий.

77% дел завершились обвинительным приговором исключительно по статье 197 УК РУз. В 4% имела место обратная перекалфикация: суд перекалвалифицировал деяние со статьи 229-1 на статью 197 УК, посчитав, что порча почвы в данном случае является более точной квалификацией, чем захват участка. В 15% случаях суд пришел к выводу, что «тяжкие последствия», необходимые для состава статьи 197 УК, не доказаны или отсутствуют, и перешел к другим составам (на ст. 229 УК (Самоуправство), на ст. 229-1 УК (Самовольный захват земли), на ст. 204 УК (Нарушение режима охраняемых территорий)). Однако и в этих составах в качестве последствий предусмотрены оценочные признаки (крупный ущерб или существенный вред правам или охраняемым законом интересам граждан либо государственным или общественным интересам; крупный ущерб или иные тяжкие последствия).

Вместе с тем практика показывает, что судебная фильтрация всё же существует. В части дел при отсутствии убедительных доказательств реального вреда или при спорности тяжести последствий статья 197 исключается из обвинения либо происходит переквалификация на иные составы. Но сама возможность такой переквалификации подтверждает главный тезис статьи: зона перехода между административным, земельно-правовым и уголовным реагированием зависит от того, как будет наполнена содержанием категория «тяжкие последствия».

Таким образом, анализ выбранных материалов по статье 197 УК позволяет предположить, что уголовно-правовой риск в этой сфере определяется не только поведением адресата нормы, но и способом, которым правоприменитель конструирует тяжесть последствий. Именно поэтому проблема имеет не только догматическое, но и институциональное значение.

Институционально-экономический анализ правоприменительной дискреции

Если ограничиться формально-догматическим уровнем, можно сказать, что оценочные признаки лишь осложняют квалификацию. Институционально-экономический анализ показывает больше: они изменяют поведение участников системы. В терминологии North уголовная норма – это формальный

институт, влияющий на ожидания и стратегии. Для предпринимателя имеет значение не только вероятность нарушения правила, но и вероятность того, что спорное или смешанное поведение будет переопределено в уголовно-правовой категории. Отсюда возникают дополнительные транзакционные издержки: расходы на превентивное юридическое сопровождение, на постоянную адаптацию к изменяющемуся регулированию, на страхование правовых рисков, на взаимодействие с контролирующими органами.

Вторая линия анализа связана с информационной асимметрией. Следствие, прокуратура и привлекаемые специалисты обычно контролируют доступ к значительной части фактической и экспертной информации: методикам расчёта вреда, административным данным, кадастровым материалам, заключениям инспекций, отраслевым стандартам. Защита и сам предприниматель далеко не всегда способны заранее оценить, какой именно набор фактов будет признан достаточным для вывода о тяжких последствиях. Следовательно, адресат нормы сталкивается не просто с запретом, а с неопределённым полем интерпретации запрета.

Третья линия касается стимулов правоприменителя. В логике Klitgaard сочетание монополии на возбуждение и движение уголовного дела, широкой дискреции и неполной подотчётности

создаёт структурный риск отклонения от публичной цели применения закона. Susan Rose-Ackerman и Bonnie Palifka показывают, что сложные и неопределённые правила расширяют пространство рентного поведения. Andrei Shleifer и Robert Vishny дополняют этот вывод тем, что слабая координация и контроль над государственными агентами делают коррупционные искажения особенно дорогими. В применении к статье 197 УК это означает следующее: неопределённость категории «тяжкие последствия» повышает ценность того, кто уполномочен решать, есть ли основания считать последствия тяжкими.

Четвёртая линия – институциональная ловушка. По Полтеровичу устойчивые, но неэффективные практики способны воспроизводиться, если они поддерживаются системой взаимных стимулов. В рассматриваемой сфере логика может выглядеть так: бланкетная криминализация и оценочные признаки повышают дискрецию; дискреция повышает значение неформальных каналов защиты и согласования; развитие неформальных практик ослабляет доверие к формальным институтам; ослабление доверия, в свою очередь, оправдывает дальнейшее усиление контроля. В результате система приходит в состояние, где формально охраняется законность, но фактически

растут издержки правомерного поведения.

Наконец, нельзя игнорировать экономическую стоимость самого уголовного процесса. Для предпринимателя вред наступает не только при обвинительном приговоре. Уже стадия проверки, расследования и судебного разбирательства может ограничить доступ к имуществу и документам, повлиять на кредитование, контракты, деловую репутацию и занятость. У государства, соответственно, возникают косвенные потери в виде недополученных налогов и ослабления хозяйственной активности. Имеющиеся данные не позволяют количественно измерить этот эффект в рамках настоящей статьи, но позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о том, что при спорных экономико-регуляторных делах такие издержки должны учитываться как часть соразмерности уголовного преследования.

Институционально-экономический анализ показывает, что оценочная уголовная норма влияет не только на юридическую квалификацию, но и на распределение информации, власти и издержек между участниками процесса. Именно поэтому проблема «тяжких последствий» не может быть решена только толкованием диспозиции.

Модель согласования уголовно-правовой политики с целями Стратегии «Узбекистан – 2030»

Поскольку обновлённая стратегическая рамка 2026 года строится на измеримых целях, цифровизации мониторинга и системной координации реформ, уголовно-правовая политика в экономической сфере также должна быть встроена в этот стандарт. УП-21 прямо ориентирует стратегическое планирование на показатели эффективности, ежегодные аудиты и паспорта показателей, а УП-22 фиксирует цели по росту экономики, снижению бедности и привлечению иностранных инвестиций. Это означает, что вопрос об уголовно-правовой нагрузке на предпринимательскую среду не должен рассматриваться как внешнее или факультативное соображение: он может быть переведён в язык управляемых индикаторов.

Предлагаемая модель согласования включает пять элементов.

Первый элемент – «ревизия регуляторных составов». Необходимо идентифицировать нормы, по которым уголовная ответственность возможна без обязательного установления реального вреда, причинной связи и индивидуализированной вины. По таким нормам допустимы три решения: декриминализация, перевод в административную плоскость либо реконструкция состава путём закрепления материального вреда как обязательного признака.

Второй элемент – «нормативное раскрытие оценочных категорий». Для «тяжких последствий» минимальный набор критериев должен включать: характер вреда; масштаб ущерба; длительность нарушения; восстановимость объекта; стоимость восстановления; значение затронутого ресурса; наличие или отсутствие конкретного потерпевшего; угрозу публичным интересам; предсказуемость результата; форму вины. Для статьи 197 это особенно важно, поскольку нужно различать нормативно рассчитанные потери сельскохозяйственного производства и фактический вред земле.

Третий элемент – «процессуальный фильтр «ultima ratio»». На стадии возбуждения и продолжения уголовного преследования по экономико-регуляторным делам должны задаваться вопросы: существует ли реальный и существенный вред; можно ли его устранить административными, земельно-правовыми, гражданско-правовыми или восстановительными мерами; доказана ли причинная связь; индивидуализирована ли вина; какова ожидаемая экономическая стоимость уголовного процесса по сравнению с публичной пользой преследования.

Четвёртый элемент – «усиление судебного контроля за доказательной моделью тяжких последствий». Суд должен проверять методику экспертного расчёта, отделять

расчётный ущерб от фактического вреда, мотивировать вывод о тяжести последствий и специально отвечать на аргументы защиты о восстановимости объекта и альтернативности уголовной реакции.

Пятый элемент – «интеграция уголовно-правовых индикаторов в стратегический мониторинг». Поскольку УП-21 уже создал рамку цифрового мониторинга и аудита целей Стратегии, набор индикаторов по уголовно-правовому воздействию на бизнес может быть встроен в существующую систему стратегического управления.

□ cite □ turn8view1 □ turn5view0 □

При этом, согласование уголовно-правовой политики с целями развития не означает общего смягчения уголовного права. Речь идёт о его институциональной настройке, при которой уголовное преследование применяется там, где оно действительно необходимо, доказано и соразмерно.

Индикаторы мониторинга

Ниже предлагается минимальный набор индикаторов, пригодный для включения в межведомственный мониторинг влияния уголовно-правового регулирования на предпринимательскую среду.

Индикатор	Цель	Метод сбора	Частота	Ответственный орган
Количество возбужденных дел по экономико-регуляторным составам	Оценить интенсивность уголовно-правового вмешательства	Ведомственная статистика прокуратуры и следствия	Ежеквартально	Генеральная прокуратура
Доля дел, прекращённых на досудебной стадии	Выявить завышенную первичную криминализацию	Статистика прекращённых производств	Ежеквартально	Генеральная прокуратура
Доля дел, где статья исключена судом или произошла переквалификация	Оценить качество первоначальной квалификации	Обобщение судебной практики	Полугодие	Верховный суд
Средняя продолжительность доследственной проверки, следствия и суда	Измерить длительность правовой неопределённости и	Сопоставление процессуальных дат	Полугодие	Генеральная прокуратура, Верховный суд
Доля дел, где	Отделить	Контент-анализ	Год	Верховный суд,

вред подтверждён экспертизой фактического состояния объекта	реальный вред от формальной модели	приговоров и экспертных заключений		Минюст
Доля дел, где вред установлен преимущественно о нормативно-расчётным способом	Выявить зависимость квалификации от расчётной модели	Контент-анализ практики	Год	Верховный суд
Количество случаев ареста имущества, изъятия документов или фактической приостановки деятельности	Измерить процессуальное давление на бизнес	Статистика мер принуждения	Ежеквартально	Генеральная прокуратура
Оценка недополученных налогов и утраченных рабочих мест в период уголовного преследования	Зафиксировать экономическую стоимость процесса	Межведомственная аналитика по кейсам высокого риска	Год	Минэкономики и финансов, Налоговый комитет
Доля дел, где суд специально мотивировал критерии «тяжких последствий»	Оценить качество судебного контроля	Выборочное обобщение актов	Год	Верховный суд
Индекс восприятия уголовно-правовых рисков бизнесом	Оценить предсказуемость среды с точки зрения адресатов норм	Регулярные опросы предпринимателей	Год	Бизнес-омбудсман, ТПП

Эти показатели не должны служить инструментом «отчётного» снижения числа дел. Их функция иная: показать, где уголовное право действительно защищает публичный

интерес, а где оно создаёт избыточные институциональные издержки.

Следует отметить, что без системы измеримых индикаторов уголовно-правовая реформа остаётся

декларативной. В логике УП-21 именно перевод проблемы в язык показателей делает её совместимой с архитектурой стратегического управления.

Ограничения исследования

Настоящее исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, эмпирический массив сформирован на основе опубликованных судебных актов и не охватывает полностью досудебную фильтрацию дел. Во-вторых, причинно-следственная связь между уголовно-правовой неопределённостью и макроэкономическими эффектами в статье носит аналитический, а не эконометрически доказанный характер. В-третьих, сравнительный зарубежный материал в настоящей редакции сознательно сокращён, поскольку его полноценное использование требует самостоятельной плотной источниковой базы. В-четвёртых, статья сосредоточена на уголовно-правовом и институционально-экономическом измерениях и не претендует на исчерпывающий анализ налоговых, гражданских и административных механизмов защиты предпринимательства.

Эти ограничения не обесценивают исследование, но определяют границы его применимости. Сильная сторона статьи – в объяснении механизма правоприменительной неопределённости; слабая – в том, что

количественная оценка её социально-экономических эффектов требует следующего этапа исследования.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что чрезмерная криминализация регуляторных нарушений и использование недостаточно формализованных оценочных категорий в уголовном законе способны выступать институциональным барьером для предсказуемой предпринимательской среды. Для Узбекистана эта проблема имеет особое значение, поскольку после обновления Стратегии «Узбекистан – 2030» в 2026 году государственная политика прямо ориентирована на измеримые показатели эффективности, цифровизацию мониторинга, экономический рост, привлечение инвестиций и повышение качества управления. В такой рамке уголовно-правовая политика не может оцениваться в отрыве от её институциональных последствий.

На примере статьи 197 УК РУз показано, что категория «тяжкие последствия» является не просто элементом законодательной техники, а ключевым каналом, через который неопределённость нормы влияет на квалификацию, объём доказывания и пределы усмотрения. Постановление Пленума Верховного суда № 36 частично повышает определённость, но одновременно подтверждает высокую зависимость

правоприменения от заключений и актов специалистов. Эмпирические материалы позволяют предположить, что в ряде дел тяжесть последствий раскрывается через нормативно рассчитанные потери сельскохозяйственного производства, что создаёт риск подмены реального вреда абстрактной денежной моделью.

Основной вывод статьи состоит в следующем: «тяжкие последствия» не должны презюмироваться из самого факта нарушения земельного или иного регуляторного режима. Они подлежат самостоятельному доказыванию по критериям характера, тяжести, причинной связи, предсказуемости, восстановимости и формы вины. В противном случае уголовное право утрачивает свой статус «ultima ratio» и начинает выполнять функции общего регуляторного принуждения.

Предлагаемая модель согласования включает ревизию регуляторных составов, нормативное раскрытие оценочных категорий, внедрение фильтра «ultima ratio», усиление судебного контроля за доказательной моделью тяжких последствий и создание системы индикаторов мониторинга уголовно-правового воздействия на предпринимательскую среду. В таком виде уголовное право сохраняет охранительную функцию, но перестаёт быть скрытым источником неопределённости для

законопослушного хозяйствующего субъекта.

Список использованной литературы

Нормативно-правовые акты

1. Земельный кодекс Республики Узбекистан. Статья 44
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Статьи 197, 204, 229, 229-1
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 г. № УП-158 «О Стратегии “Узбекистан – 2030”».
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 16 февраля 2026 г. № УП-21 О дополнительных мерах по последовательному продолжению и выведению на новый этап реформ в рамках приоритетных направлений развития страны до 2030 года.
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 16 февраля 2026 г. № УП-22 О программах реформ по приоритетным направлениям и Государственной программе по реализации Стратегии «Узбекистан – 2030» в «Год развития махалли и всего общества».
6. Постановление Президента Республики Узбекистан, от 25.12.2024 г. № ПП-455 «О мерах по обеспечению исполнения Закона Республики Узбекистан «О Государственном бюджете Республики Узбекистан на 2025 год»»
7. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг қарори, 30.12.2024 йилдаги 914-сон

8. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг қарори, 26.11.2025 йилдаги 744-сон «Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ерларнинг норматив қийматини аниқлаш тартибини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида»

9. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 25.05.2011 г. № 146 «О мерах по совершенствованию порядка предоставления земельных участков для осуществления градостроительной деятельности и других несельскохозяйственных нужд»

10. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг қарори, 23.11.2022 йилдаги 666-сон «Норуда

материалларни ноқонуний қазиб олишда табиий объектларга етказилган зарарни ҳисоблаш тартибини такомиллаштириш тўғрисида»

Судебная практика и акты судебного толкования

11. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 16 декабря 2024 г. № 36 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам, связанным с нарушением земельного законодательства».

12. Опубликованные судебные акты по уголовным делам, размещённые на официальном портале публикации судебных документов. <https://public.sud.uz/report/CRIMINAL>

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

13. Acemoglu, D., & Johnson, S. (2005). «Unbundling institutions». «Journal of Political Economy, 113»(5), 949–995.

14. Ashworth, A., & Horder, J. (2013). «Principles of Criminal Law» (7th ed.). Oxford University Press.

15. Ashworth, A., & Zedner, L. (2008). Defending the criminal law: Reflections on the changing character of crime, procedure, and sanctions. «Criminal Law and Philosophy, 2»(1), 21–51.

16. Hassemer, W. (1989). Symbolisches Strafrecht und Rechtsgüterschutz. «Neue Zeitschrift für Strafrecht, 9»(12), 552–559.

17. Husak, D. (2008). «Overcriminalization: The Limits of the Criminal Law». Oxford University Press.

18. Jareborg, N. (2005). Criminalization as last resort («ultima ratio»). «Ohio State Journal of Criminal Law, 2»(2), 521–534.

19. Klitgaard, R. (1988). «Controlling Corruption». University of California Press.

20. Лопашенко, Н. А. (2010). Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений

уголовного законодательства) «Всероссийский криминологический журнал / Russian journal of criminology».4, 36-44

21. Luna, E. (2005). The overcriminalization phenomenon. «American University Law Review, 54»(3), 703–743.

22. North, D. C. (1990). «Institutions, Institutional Change and Economic Performance». Cambridge University Press.

23. Ogus, A. (2004). «Regulation: Legal Form and Economic Theory». Hart Publishing.

24. Полтерович В.М., 1999. «Институциональные ловушки и экономические реформы», Журнал Экономика и математические методы (ЭММ), Центральный Экономико-Математический Институт (ЦЭМИ), vol. 35(2), апрель. <https://ideas.repec.org/a/scn/sememm/35-2-1.html>

25. Rose-Ackerman, S., & Palifka, B. J. (2016). «Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform» (2nd ed.). Cambridge University Press.

26. Shleifer, A., & Vishny, R. W. (1993). Corruption. «Quarterly Journal of Economics, 108» (3), 599–617.

27. Simester, A. P., & von Hirsch, A. (2011). «Crimes, Harms, and Wrongs: On the Principles of Criminalisation». Hart Publishing.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

28. OECD. (2012). «Recommendation of the Council on Regulatory Policy and Governance».

29. OECD. (2018). «OECD Regulatory Policy Outlook 2018».

30. OECD. (2024). «OECD Public Governance Reviews: Uzbekistan».

31. OECD. (2025). «Roadmap for Sustainable Investment Policy Reforms in Uzbekistan».